

Чем один проект может отличаться от другого

Хулиан Каррон

Записи с собрания «Школы проектов», организованной для членов «Сообщества дел», занятых в социальной сфере.

Милан, 13 июня 2012 г.

Бернард Шольц. Цель «Школы проектов» – диалог, обмен опытом, все более глубокое понимание вопросов, касающихся социальной работы. Мы говорили здесь о свободе как источнике реального созидания, как отличительной черте тех, кто не перекладывает свои трудности на других, но проявляет собственную активность. Мы говорили о трудоустройстве молодежи, о том, что они нуждаются в экономической поддержке, которая является не самоцелью, но незаменимым средством. Мы говорили об открытости наших дел перед всем миром, о сотрудничестве с другими людьми, которое тоже принципиально важно для развития любого дела. Постепенно становилось все более очевидно, что все зависит от субъекта, точнее – от группы людей, вовлеченных в конкретную инициативу и работающих на нее. Мы осознали: в мире, где существует множество проектов, готовых подменить человека и его ответственность механизмами, схемами и образцами, красота человечности открывается перед нами тогда, когда все – и сама деятельность, и профессионализм в ней – выражает активное человеческое «я». Следовательно, для того чтобы наши проекты действительно могли послужить человеку, необходима истинно человеческая позиция. Поэтому мы очень благодарны, что отец Хулиан Каррон принял наше приглашение; его присутствие на сегодняшней встрече – прекрасная возможность лучше понять, в чем состоит наша человечность и каким образом мы обретаем способность преобразовывать окружающий мир на благо всех людей.

Моника Полетто. Вопросы, которые прозвучат сегодня, родились из работы Школы в этом году и касаются многих тем. В последние годы мы довольно часто выносили на обсуждение наши трудности и критические моменты; в этом году мы словно «вошли во вкус», осознав, что их совместное обсуждение – неотъемлемая часть нашего личного и совместного пути. Сегодня вечером мы затронем некоторые из этих трудностей – и сам этот факт воспринимается нами как неоспоримо положительный: подобные шаги делают нас способными смотреть на все.

Выступление. Когда мы работаем над повышением квалификации – а это значит повышение профессионализма в деятельности наших организаций и налаживание эффективных контактов, мы стремимся углубить связи между учреждениями, даже если иногда направления их деятельности кажутся прямо противоположными друг другу. И первое, на что мы ориентируемся, – «по плоду узнается дерево»: в какой-то мере валидность нашей деятельности характеризуется ее результатом. Другое же утверждение, которое мы часто повторяем, – «нужно быть свободными от результата». Часто мы противимся тому, чтобы с реализмом смотреть на результат наших дел. Куда проще остановиться на предпосылке – причинах, по которым мы занялись тем или иным проектом, – и видеть результат лишь частично, подчеркивая почти исключительно успехи и закрывая глаза на критические пункты, на неудачи. Может быть, когда мы утверждаем,

что «свободны от результата», это не всегда прямо говорит о нашей безответственности; но все же часто мы боимся смотреть на результат, потому что нам кажется, что в этом результате мы состоим. В то же время мы открываем все большую привлекательность и даже выгоду для себя в том, чтобы смотреть на результат проектов с желанием увидеть все факторы, получить исправления и подсказки для дальнейшей деятельности. Как соединить это стремление учиться на результатах, с одной стороны, и свободу от результата – с другой?

Хулиан Каррон. Одного только ответа на словах недостаточно, чтобы ответ осуществился. Важно понять: объяснений недостаточно, необходимо то, что дает нам возможность осуществить тот ответ, который мы услышали. Для того чтобы признать и осуществить ответ, необходим человеческий опыт, необходимо, чтобы человек твердо стоял на ногах, – иначе ответ останется лишь теорией. Это принципиально. Поэтому, если наше сегодняшнее собрание не встраивается в путь, который мы проделываем на школе общины, уверяю вас, оно будет потерей времени, даже если мы дадим подробнейший ответ на все вопросы; недостаточно просто «знать» ответы. И вот яркий пример: как в конечном итоге быть свободным от результата? Сделать первый шаг к свободе значит признать (и личный опыт нам в этом поможет): ни один проект, ни одна попытка ответить на нужды людей не совершенна. И дело не в том, что мы грешники: даже самый святой человек в мире может совершить в этом направлении лишь попытку, неизбежно вызывающую иронию. Если мы признаем несовершенство всякого человеческого действия, всякого дела, всякой попытки, то постепенно сможем с большей свободой принимать то, что не ладится, признавать это и не смотреть на себя самих с осуждением или скепсисом – ведь несовершенство является чертой любого действия человека. Но, несмотря на это, иногда – как вы говорите – мы готовы признать успехи и даже раздуваем их, но куда менее готовы признать критические моменты. Почему? Потому что в нас живет сильный страх. Я хорошо его помню; в школе, где я был директором, не было ничего менее приятного для преподавателей, чем выносить суждение о том, что происходит. Я задавал очень простой вопрос: «Какой опыт пережил ребенок, который пришел в нашу школу и четыре года проучился в лицейских классах? Можем ли мы вынести суждение, чтобы понять, каков результат наших действий, направленных на его воспитание, в том числе чтобы улучшить их и измениться самим?» Они были готовы на все, только бы не слышать реального суждения. Максимум, что остается у учеников, – это определенный набор чувств, которые заставляют их приветливо с нами здороваться, встретив на улице. Мои вам поздравления! Это действительно максимум, к которому мы можем прийти? Часто наш страх обусловлен тем, что мы видим нашу состоятельность в том, что делаем. Это хорошо выразил отец Джуссани в статье 2000-го года, опубликованной в газете «Ла Република». В ней он защищал Иоанна Павла II, который просил прощения за ошибки, совершенные Церковью в истории. Там есть такие слова: «Всем идеологиям свойственно, чтобы человек был уверен по крайней мере в одном фрагменте, за который он отвечает самостоятельно». Это значит: идеологии видят свою состоятельность в том, что они делают. И каково следствие этого? «Он никогда не откажется [от этого аспекта] и ... не поставит под сомнение». Просто и прозрачно как вода. Это идеология. «Христианин же знает, что все его действия, все, чем он обладает, всегда должны уступать место истине». Он несовершенен, а значит – истина больше любых наших дел. Это истинно на уровне личном и на уровне работы – какой бы деятельностью мы ни занимались. Что позволяет человеку признать ограниченность его дел? Отец Джуссани выражает это одной фразой: «Христианин не привязан ни к чему, кроме Христа». Только если мы привязаны ко Христу и не ищем опоры ни в чем ином, кроме Него Самого, то можем признать ограниченность своих дел. Поэтому важно отдать себе отчет: недостаточно знать, что проект несовершенен, недостаточно знать, что идеологии опираются на собственные дела, недостаточно знать, что единственная возможность –

это быть с Иисусом; нужно, чтобы Иисус присутствовал в моей жизни, в моем опыте настолько реально, чтобы я мог смотреть даже на свою ограниченность, на свое зло и несовершенство без соблазна, потому что моя состоятельность не в этом, а во Христе: «Христианин не привязан ни к чему, кроме Христа». И это происходит не тогда, когда мы работаем над проектом, потому что это не связано с проектом; это связано с путем веры, который совершает каждый человек. А если он его не совершает, это очевидно – он не способен признать несовершенство проекта; именно поэтому часто проблемы, которые мы выносим на обсуждение, – на самом деле неразрешенные личные проблемы. Эти проблемы не касаются проекта, это наши проблемы: у нас нет достаточной опоры под ногами, чтобы признать то, что несовершенно, то, что не складывается. Следовательно, только человек, имеющий под собой твердую почву, может постоянно стремиться научиться, будучи свободным от результата. Без подобного опыта – предшествующего любой инициативе или зреющего по мере ее реализации – даже зная теоретически все ответы, мы не можем разрешить вопросов, возникающих перед нами.

Выступление. В начале, когда масштаб деятельности невелик, не забывать об истоках очень просто; *миссия* ясна – и те, кто стоит во главе инициативы, стремятся не терять цель. Но по мере роста часто мы словно отклоняемся от пути и в какой-то момент вынуждены отдать себе отчет в том, что *миссия* проекта и его исток уже не так очевидны. Наша организация растет, к нам приходит все больше волонтеров, они вносят какие-то новые предложения, подталкивая нас к изменению. Это имеет положительную сторону, ибо приводит нас в движение и не дает заснуть, но одновременно есть риск отойти от истока и первоначальной цели. Каждый день мы ведем самые настоящие бои, чтобы не допустить искажения *миссии*, и иногда мне кажется, что эта борьба уже давно проиграна... Я хотел бы понять, как мне переживать этот естественный рост, не удаляясь при этом от истока и не теряя ясности цели.

Выступление. В эти годы нам приходилось считаться с кризисом, который все мы переживаем. Есть риск, что с прекращением некоторых инициатив пропадет опыт, который является богатством и для тех, кто их реализует, и для всех остальных. Конечно, это не самый простой момент. В ситуации кризиса нормальный рабочий процесс нарушается, необходимо учиться, вводить в дело и развивать новые виды деятельности, пересматривать типологию и качество услуг... В общем, нужно плотнее взаимодействовать с реальностью, которая находится перед нами. Эта работа не является ни спонтанной, ни естественной. «Что мы делаем?», «Куда мы идем?»: эти вопросы мы постоянно ставим перед собой. Пытаясь на них ответить, мы оказываемся перед вопросом об истоках предприятия, о цели. Действительно, многие наши объединения родились из волонтерата, каритативы – может быть, из несколько пионерского опыта, когда мы желали щедро ответить на нужды людей, которых встречали, и люди, создавшие эти организации, дали действительно много для их существования. Я заметил, что иногда обращение к истокам той или иной организации – особенно если последняя не питается многолетним опытом работы и остановилась на первоначальном этапе – пресекает любую попытку осмысления окружающего контекста, а значит и развития. Как преодолеть это желание вцепиться мертвой хваткой в исток (что на поверку оказывается препятствием к развитию)? И какова причина этой ошибки?

Хулиан Каррон. Очевидно, что в любом деле, где есть жизнь, есть и риск. Если есть что-то живое и есть движение, то риск есть всегда. И это само по себе неизбежно, потому что жизнь проникает посреди нас через свободу. Поэтому проблема не в развитии или неразвитии; проблема в том, что любое дело проходит через свободу человека. Если наше дело не развивается, это не поможет

нам сохранить неизменным его исток. То, о чем вы спрашиваете, выдает очередной признак того нигилизма, о котором мы говорили на последних упражнениях Братства. Нам хотелось бы, чтобы все и всегда работало как отлаженный механизм, чтобы не было рисков. Мы всегда к этому возвращаемся: возмущение свободой. Я уже рассказывал эпизод, когда один таксист, узнав, что я священник, стал говорить мне, как возмущает его тот факт, что Бог оставил людям свободу. Я ответил ему: «Послушайте, вам хотелось бы, чтобы ваша жена любила вас не свободно, а потому, что ее к этому вынуждает биология?» – «Вовсе нет!» – «И вы полагаете, что Бог понимает в любви меньше, чем вы? Бог создал человека свободным именно потому, что у Него вкус не хуже вашего». Все законы вселенной стоят не больше одного «да», сказанного свободно. Когда кто-то любит тебя, это затрагивает твою жизнь куда больше, чем все законы вселенной. Поэтому свобода – не оброк, не неизбежное бремя, а поразительное право, которым обладаем мы, люди, и которое позволяет нам не жить подобно заведенному механизму, а рисковать, участвовать в приключении; и потому – расти, становиться все больше самими собой, все больше погружаясь в то, что мы делаем. Поэтому нам нужно не пугаться, а использовать каждую возможность, каждый случай, чтобы возрастая в самосознании. И другие люди, которые приходят к нам и вовлекаются в наши предприятия, являются вызовом для каждого из вас: вам дана возможность породить и их в этой перспективе, позволять им становиться людьми, позволять им быть причастными к истоку вашего дела. Для чего нужны проекты, если не для того, чтобы делать людей еще больше людьми? Без этой цели любой проект – заведомо провальный. Напротив, если каждый, кто приходит к вам, является для вас возможностью и вызовом (потому что не позволяет вам смотреть на заведенный порядок вещей как на нечто самоочевидное и заставляет осознавать его причины, как в первый день вашего предприятия), то именно он играет решающую роль в том, чтобы вытащить вас из горшка, где вы привычно варитесь в собственном соку, в ваших уже устоявшихся знаниях... потому что теперь вы вынуждены свидетельствовать ему о том, что вами движет! Так, парадоксальным образом, он открывает перед вами грандиозную возможность не потерять исток. Я сам нуждаюсь в истоке постоянно, в каждой ситуации! Поэтому я не могу говорить об истоке как о чем-то статичном; я должен принимать все вызовы, которые несет в себе настоящее – место, где исток проверяется (я проверяю, способен ли он ответить на все вызовы, которые ставит перед нами вечно новая реальность). Достаточно вспомнить, с каким вызовом приходилось встречаться вере в разные эпохи: она должна была сообщать одну и ту же весть разным языком, понимая, что необходимо было развиваться, чтобы остаться верной самой себе. Недостаточно было повторения определенного набора слов, потому что значения слов со временем изменялись, входили в оборот новые термины. Необходимо было развивать исток – иначе вера утрачивалась. Видите? Исток продолжает существовать только как что-то живое. Иначе вера умирает или теряется по дороге, стоит только измениться исходной точке. Исток остается живым только в том случае, если мы постоянно нуждаемся в нем, чтобы принимать вызовы настоящего. Мы нуждаемся в этом, и именно поэтому нам недостаточно просто формального повторения. Отец Джуссани говорил, что для распространения христианства необходимо в каком-то смысле «вновь творить» его постоянно. Если бы сам отец Джуссани не поступал таким образом, многих из нас здесь сегодня не было бы. Формального повторения истока недостаточно, потому что исток не бывает формальным! Исток – это событие, возгоревшаяся точка, которая в какой-то момент в ком-то зажгла свободу. Если исток исчезает, все теряет глубину. Поэтому отец Джуссани всегда говорил, что метод остается неизменным: факт, который предшествует всему остальному. И так происходит не только в начале, а всегда, в каждой точке пути, потому что это на самом деле *со-бытие*. Исток – это событие, импульс, гениальность, новизна. Он должен пребывать неизменно: не быть *таким же*, как в начале, а быть *тем же*, что и в начале.

Выступление. Мы постепенно понимаем, как важно, чтобы места принятия решений были местами, где люди на самом деле берут на себя ответственность, но многие этой ответственности избегают, отгораживаясь от нее утверждениями типа: «Я нахожусь здесь для себя самого». Нам кажется, что об этом дуализме как таковом следует вынести суждение. Я не могу считать, что вхождение в ту или иную группу ответственных лиц – для меня, если не беру на себя ответственность, подразумеваемую вхождением в эту группу. Часто мы видим, что переход от «монархического» типа руководства к совместному пока затруднен; и эта трудность связана с отказом от передачи полномочий, от разделения своего опыта с другими. Там, где эта передача происходит, мы являемся свидетелями поразительных фактов. Есть объединения, где в момент кризиса ответственность взяли на себя все без исключения, – это был общий плод работы руководителей и вовлеченности всех остальных. Это не придуманные истории. В наших организациях появляется все больше молодежи; молодые растут и ощущают свою ответственность за все дело. Нам кажется, что проблема стоит концептуальная: я ни с кем не буду делиться своей ответственностью, если не понимаю, что это что-то «большее» для меня, что это часть моей природы, что каким-то образом через другого человека могут проявиться новые факторы, которые позволят ответить на острые вопросы реальности, что это благо для меня и для дела.

Хулиан Каррон. Взять на себя ответственность – признак зрелости человека; отказываясь от ответственности, мы продолжаем быть детьми. Принятие обязательств – знак того, что мы растем как люди. И это имеет для нас принципиальную важность, потому что именно так мы реализуем свою человечность. Мы реализуем себя как люди на этом пути. Реализация жизни и реализация дела не могут стоять по разную сторону. Я реализую себя, сталкиваясь со всеми вызовами, которые ставит передо мной жизнь: дома, в отношениях, в работе, в той ответственности, которую я беру на себя. Поэтому жить значит учиться отношению между «я» каждого из нас и людьми, вещами, вызовами, обстоятельствами, которые встают перед нами. Если мы упускаем их из виду, мы теряем и тот способ, при помощи которого Тайна призывает нас через реальность, а значит – не растем. Подумайте, какой была бы наша жизнь, если бы реальность не бросала вам вызов, если бы ее не было, или если бы она была и не бросала нам вызов. Наша энцефалограмма состояла бы из одной прямой линии – как часто происходит с теми, кто нас окружает. Если человек начинает смотреть на реальность таким взглядом, он начинает видеть, что сам тот факт, что реальность бросает ему вызов, является благом; это благо, иначе я остался бы прямой линией не энцефалограмме. Тогда я начинаю смотреть на реальность как на благоприятствующую мне, начинаю смотреть на каждое обстоятельство как на что-то благоприятное. И тогда любой человек, появляющийся на моем горизонте, независимо от его намерений, от его правоты или неправоты, приводит меня в движение. Если каждый из нас не отвечает на этот вызов, жизнь проходит, а ее цель – чтобы каждый каждый стал самим собой – не исполняется. В десятой главе книги «Религиозное чувство» отец Джуссани говорит, что человек, не чувствующий вызова реальности, не может обладать таким же самосознанием, как тот, кто их чувствует. Вопрос не в том, что один умнее другого; просто если реальность не бросает тебе вызов, не задействует все твои ресурсы, то ты словно не выполняешь никаких физических упражнений. Если ты ничего не делаешь, нельзя сказать, что ты себе вредишь; но ты остаешься на месте, словно парализованный. Ты не делаешь ничего «против», но, поскольку упражнения являются важнейшей частью физического состояния, все мы знаем, что происходит, если человек их не выполняет. Это банальное сравнение с тем, что происходит в жизни, в человеческом бытии: если мой ум, моя свобода, моя привязанность не ощущают никаких вызовов, то я словно живой мертвец. Если мы не понимаем, что любой вызов –

благо для нас, то мы защищаемся, выдыхаемся и постоянно жалуемся на них. Если же, напротив, я начинаю это понимать, то желаю, чтобы ни один из них не обошел меня стороной; что бы ни творила Тайна в нашей жизни, даже если мы этого не понимаем, дано нам для нашего взросления, для нашего роста, для нашей человечности. В этом ценность времени, истории: мы становимся все больше самими собой. Не осознавая этого, мы занимаем позицию защиты. И от чего мы сильнее всего защищаемся? От того, что бросает нам самый сильный вызов: «ты» другого человека. Откуда берется в нас это «монархическое» поведение? Другой досаждал мне – лучше бы его не было вовсе. Подобное представление нам трудно поставить под вопрос. Такое представление о «я» ошибочно: я думаю, что могу сказать «я», не говоря «ты». И защищаюсь от другого, вместо того чтобы признать – как часто происходит, если мы честны: когда мы начинаем решать проблему вместе, рождается огромное количество таких идей, которые мне одному не пришли бы в голову. И тогда мы убеждаемся в важности другого человека: он дает мне что-то, что мне выгодно, и поэтому защищаться от него глупо. Так другой человек перестает быть тем, кого нужно избегать, от кого нужно находиться подальше; я начинаю смотреть на него как на того, кто может внести свой вклад в мое дело, в то, что я хочу построить. Он может внести свой вклад, только если я оставляю ему пространство для деятельности. Вы можете проверить свои представления при помощи простейшего теста: защищаетесь ли вы от другого человека или почитаете его как благо и источник? Вы сразу же поймете, каково ваше представление о вашем «я». Жизнь проста; в любых обстоятельствах мы демонстрируем самим себе, входит ли другой в сферу определения моего «я» или остается чужд и внеположен ему. «Я» – отношение, а не изоляция. Вот в чем вызов.

Выступление. Еще один аспект ответственности, важность которого мы осознали, – это вопрос соответствия между формой и сущностью вещей. Если формальные места принятия ответственных решений не совпадают с теми местами, где решения принимаются по факту, во всей организации поселяется червь непослушания, и постепенно это непослушание захватывает все остальное – вплоть до того, что руководитель выстраивает всю деятельность под себя и под свои представления.

Хулиан Каррон. Это дуализм в работе. Если вы хотите уничтожить места принятия решений, достаточно одной простой вещи: принимать решения вне этих мест. Вы уже убили ответственность, потому что несете в места принятия ответственных решений уже принятые решения. Это издевательство! Так собрания становятся формальными. Это издевательство над людьми, которых вы приглашаете на собрания: «Если ты уже все решил, то зачем зовешь меня? А если зовешь, почему не решать здесь? Значит, ты во мне не нуждаешься». Вы должны иметь свободу, чтобы сказать тем, кто ведет себя с вами подобным образом: «На формальные собрания я больше ходить не буду». Такие собрания – могила всех ваших дел, потому что удобряют почву для эгоизма и пристрастных решений, что ни к чему хорошему не приводит. Если для руководства нам нужны определенные органы, это не потому что мы не доверяем, а потому, что знаем всю собственную ограниченность. Когда я был директором школы, одним из моментов, вносящих наибольший хаос в работу, было составление расписания занятий. Эти дебаты велись ежегодно, ведь – известный факт – с хорошим расписанием и учебный год проходит совсем иначе! Как мы выходили из этой ситуации? Я сказал: во избежание субъективных решений с моей стороны и шантажа – с вашей, условимся сразу: выработаем критерии. Я не хочу идти на поводу у своего субъективизма (я, как и вы, могу поддаться этой слабости); но и вы можете пойти у него на поводу. Поэтому давайте условимся об общем критерии, которым все будем пользоваться». С тех

пор, как я живу в Милане и несу ответственность за все Движение, у меня только одно правило: каждый волен иметь любые отношения с кем угодно, и это не только не минус, но и благо для всех нас; и все же есть определенные встречи, собрания, где принимаются решения, и никто не может позволить себе решать что-то касательно Движения как такового за их пределами. Вот и все, других правил нет. Это единственный способ, чтобы не обесмыслить руководящий орган, ведь если решения принимаются вне его, то он автоматически обесмысливается.

Выступление. В 2009 году на встрече нашего сообщества ты сказал: «Мы должны всегда стремиться к тому, чтобы любовь проникала во все зазоры наших расчетов. Все мы, будучи людьми грешными, не избавлены от риска перейти от бескорыстия к чистому расчету, полагая, что ограждены от всего этого только потому, что причастны такой дружбе, как наша. Существует постоянный риск – и не только риск – укреплять при помощи корпоративной защиты свои собственные позиции, а возможно, даже проекты политического господства. Тот факт, что бескорыстие несет в себе наибольшую выгоду, означает неутомимый поиск блага, который проходит через соблюдение законов, но благодаря которому это бескорыстие обращается в привязанность, созидание на благо всех, исправление без умолчаний перед лицом постоянного падения» (J. Carrón, «La tua opera è un bene per tut-ti», Tracce, n. 11/2009, p. VIII). Постепенно наша работа концентрируется именно на этом. Расскажу один факт. Недавно нас попросили вынести в кратчайшие сроки суждение об одном законопроекте. Ситуация сама по себе могла спровоцировать бесконечное количество жалоб, претензий: как всегда, общественная администрация только делает вид, что учитывает наше мнение, наша работа бесполезна и не принесет никакого плода, потому что акценты будут расставлены иначе... Но мы взялись за эту работу и проделали путь познания, будучи уверены в том, в ситуации нашего изменяющегося мира активное (а не жалобливое) участие – истинно созидательное действие. Неожиданным результатом этой плотной и горячей работы стало то, что наши собеседники учли наше суждение. Одна наша коллега прокомментировала этот факт: «Метод именно таков. Наш вклад – именно активное, а не жалобливое участие». Это не похвала самим себе, а рассказ о том, как смиренная работа и открытая позиция дают прежде всего огромное удовлетворение, а кроме того, если Богу угодно, приносит и эти неожиданные плоды. Но бывают моменты, когда в правовых отношениях мы сталкиваемся с идеологическими позициями, и жесткость наших собеседников вызывает в ответ претензию, которая тормозит бескорыстие, стремление к общему благу, о котором ты говорил. Очень часто кажется, что наиболее успешная позиция – это инерция – позиция полностью противоположная той, которую мы недавно пережили. Как помочь друг другу поддержать это стремление к бескорыстию – даже в те моменты, когда столкновение полярных точек зрения представляется единственным приемлемым путем?

Хулиан Каррон. Как поддерживать в себе это бескорыстие? Другими словами: что пробуждает его в тебе? Бескорыстие не связано с тем или иным учреждением, не связано с нашими способностями; оно зависит от нашей причастности чему-то, что пробуждает нас постоянно, дает нам способность переживать опыт преизобилия, от которого и может только родиться бескорыстие. Бескорыстие – излияние полноты, переливание через край. Мы можем исходить из полноты или из пустоты. Если мы исходим из пустоты, нас всегда будет определять результат, то, что нам удастся сделать. И если это так, то, как только ляжет путь в гору, мы устанем и выйдем из игры. Чтобы жить бескорыстием, недостаточно говорить слово «бескорыстие» и знать его значение, необходимо, чтобы бескорыстие происходило, необходимо самому переживать такой опыт, который не угасит никакое поражение, потому что мы не зависим от поражений, исходная

точка нашего бескорыстия в другом месте! В этой и состоит ценность христианского опыта: из него рождается иной, воистину новый способ нахождения в реальности. Другие, так или иначе, в конце концов лишь жалуются. Почему? Потому что они не переживают в настоящем такого опыта, который наполнял бы их непрерывно. И проблема здесь не в проектах, не в собеседниках, которые не слушают, не в организациях... С вами могли бы согласиться все на свете, а проблема вашего бескорыстия не была бы решена. Лишь иной исток позволяет нам стать главными героями в работе: работе не приблизительной, а глубокой. Мы не можем думать, что, поскольку мы переживаем прекрасный опыт, то избавлены от этой работы, словно нам достаточно сказать волшебное слово. Нет, нужно глубоко вдаваться в вопросы и показывать в вашей деятельности, что вы учитываете все факторы и это позволяет вам лучше решать возникающие проблемы. И все мы знаем, что это происходит не за один день, а в результате долгого труда. Но иногда вам приходится бороться против той или иной идеологической позиции. Тогда это вызов вашей креативности. Разве не то же приходится вам делать с детьми, когда они теряются или застревают на пути? Что вы делаете тогда? Отмахиваетесь от них? Или они становятся для вас вызовом? «Что мне им сказать? Что я могу им рассказать? Что могу посоветовать почитать?» И ты засыпаешь с этими мыслями, а утром встаешь и идешь на работу. И вдруг – неожиданно происходит что-то такое, что дает тебе возможность что-то им предложить. То же самое происходит с собеседниками на работе – все это отношения. И будь внимателен: каждый ли раз, находясь перед лицом определенной ситуации, ты всерьез задаешься этими вопросами? Представь себе, что, вместо того чтобы жаловаться на идеологичность своего собеседника, ты постоянно спрашиваешь себя: «Как мне построить отношения с ним? Что я могу ему сказать, чтобы он не защищался? Что могу предложить ему? Что могу рассказать?» Он может и не понять тебя... Часто я привожу пример с Авраамом. Представь себе: Бог призывает его – а он начинает жаловаться: «Они меня не слушают, не понимают, они идеологичны...» (мы все говорим так же). Что сказал бы ему Бог? «Но ведь именно поэтому Я позвал тебя! Они не понимают: и именно для того Я призвал тебя, чтобы они начали понимать!» Бог дает благодать одному, чтобы через него достичь других. Мы же, напротив, обвиняем других в том, что они не понимают. Это в корне неверно! Тебе было дано это восприятие, эта благодать, этот импульс начать что-то новое: эта благодать дана тебе, и через тебя она достигнет других посредством замысла, которого ты не знаешь. Представь себе Авраама, который бы начал отмерять, сколько времени должно пройти, чтобы другие поняли... Он бы устал уже через несколько дней! Божий замысел о том, как другие смогут быть причастными тому, что дано нам, определяем не мы.

Выступление. То, что ты называешь «проектом господства», может показаться словно короткой тропой. Нередко позиция бескорыстия рассматривается как слабая позиция. Мне хотелось бы, чтобы ты сказал пару слов об этом, потому что мне кажется, что эти позиции приводят к качественному различию результата, ведь господство не предполагает вовлечения человеческой свободы...

Хулиан Каррон. Именно так. Выстраивая проекты господства, ты можешь достичь цели – потому, что другие с тобой в одной связке, но не потому, что ты их убедил. Ты не обосновываешь перед ними твоего вклада в жизнь мира. Подобная позиция часто приносит удовлетворение с точки зрения достижения результата, но в конце концов – с точки зрения культурной – мы терпим поражения. И напротив, мы можем оказаться в выигрыше с культурной точки зрения, даже если с другой стороны терпим поражение. Мы можем сообщать другим только то, что случилось с нами (и мы не знаем, сколько потребуется времени, чтобы победила эта весть; когда святой Бенедикт

начал свою деятельность, никто не мог представить, сколько веков ему потребуется!). Но мы думаем так: или я брошу монету в автомат и выпадет напиток, или тут какая-то ошибка. Нет, нет никакой ошибки, просто темп определяет Иной, замысел принадлежит Ему. Надолго ли хватит выдержки человека, если у него нет необходимого фундамента? Проблема не в том, что дела не идут согласно нашим проектам, а в том, что у нас нет опоры. И поэтому мы начинаем жаловаться – встраиваемся в общий хор жалобы. Или же просто выходим из игры. Часто мы видим, как после одной, двух, трех попыток люди устают – и сдаются. Вся проблема – в стремлении. То же самое ты переживаешь со своими детьми. Подумай, высчитывает ли твоя жена, сколько раз ей нужно улыбнуться, чтобы на губах ребенка впервые появилась улыбка! И вспомни, сколько раз ты так относился к своим собеседникам на работе. Подумай – и убедишься, что это явления одного плана.

Выступление. Вопрос касается работы с другими сотрудниками. Работа – это и сфера усвоения знаний, и место становления личности. Начиная работать, человек учится одновременно профессии и человечности. Один из самых значительных аспектов моей деятельности – подготовка социальных работников (преподавателей, тьюторов, воспитателей). Поскольку моя задача – обучить их профессии, и поскольку среди них много молодежи, для меня на первом плане стоит передача метода. Метод никогда не является просто частным вопросом, он касается не только профессионального аспекта, и в то же время именно через точность в передаче профессионального метода передается и человеческая позиция. В этом единстве между научением профессии и передачей по-настоящему человеческой позиции заключается трудность, потому что я с легкостью перехожу на поверхностное преподавание дисциплин, продолжая усердно призывать своих слушателей к человеческой позиции.

Хулиан Каррон. Это никому не нужно. Ты можешь пробудить человеческую позицию в других только посредством того, что делаешь сам. Как ты преподаешь своим слушателям? Грузишь их знаниями в течение часа, а потом в последние пять минут читаешь им проповедь? Дело как раз в том, способен ли ты удержать их внимание в течение всего часа, заинтересует ли их то, что ты объясняешь (в том числе – средства, метод, которым ты пользуешься). И в результате ты преподаешь им метод и одновременно пробуждаешь в них человечность. Иначе пробуждение человечности сводится к проповеди... Здесь, как учил нас всегда Джуссани, содержание и метод совмещаются. Прежде, чем сказать Закхею: «Я иду к тебе», – Иисус не читает ему проповедь. Он говорит ему лишь одно: «Надобно Мне быть у тебя в доме». Закхей сразу все понял – и принял Его с радостью. Содержание (взгляд) и слово, которое Он говорит (метод), совмещены, они не находятся на разных плоскостях. Если мы не заботимся о методе, это происходит потому, что мы не заботимся о содержании; содержание передается только через форму, метод. Поэтому отец Джуссани так дорожил методом – ведь именно через метод ты вносишь что-то в жизнь ребят. Сегодня утром один преподаватель рассказывал мне о своей замечательной коллеге, которая умеет очаровать учеников подачей материала (другие делают то же самое, но более нудно); одна мама даже сказала ей: «Я завидую своей дочери, что у нее такая учительница!» Что должна была увидеть мама этой ученицы! Что должна была рассказать ей дочь, чтобы она стала завидовать! Подобное тождество между содержанием и методом рождается не в один день.

Выступление. Когда нас просят объяснить исток, причину наших инициатив, обычно мы говорим, что они рождаются как попытка ответить на те или иные нужды. Но опыт показывает, что

дальнейшее их развитие не всегда связано непосредственно с этими нуждами и должно руководствоваться реализмом и благоразумием. Отец Джуссани говорил об этом в 1987 году в Ассаго: «Характерными чертами дел, порожденных настоящей ответственностью, должны быть реализм и благоразумие. Реализм обусловлен тем, что истина опирается на такие построения ума, которые соответствуют реальности; благоразумие же, о котором св. Фома Аквинский говорит как о верном критерии подхода к делам и событиям, состоит в том, чтобы соотноситься с истиной вещей прежде, чем с моралью – этическим аспектом блага. Реализм и благоразумие делают предприятие знаком жертвы, открытости и работы воображения» (ср. Л. Джуссани. Я, власть, дела. М., Христианская Россия, 2004.) С другой стороны, мы знаем, что любое наше дело, любое человеческое дело вообще несет в себе долю риска; мы называем это «выпрыгнуть сердцем за рамки препятствий». Часто мы наблюдали это в жизни: в самые, казалось бы, случайные, непродуманные моменты происходило что-то – и Провидение открывало перед нами новый путь. Но – и так я подхожу собственно к вопросу – мы постоянно рискуем заключить в клетку и извратить наши инициативы, стремясь обеспечить им экономическую поддержку. Очень часто экономические трудности и задача сохранить рабочие места (актуальная особенно сейчас) словно угрожают извратить само дело и поставить ему строгие пределы. Как избежать того, чтобы реализм и благоразумие стали мерой и тормозом развития? Каким образом реализм и благоразумие помогают нам отвечать на вопросы, которые ставит перед нами реальность: нужда, неожиданно открывшаяся возможность, предложение, зарождение отношений, желание помочь новым инициативам?

Хулиан Каррон. Реализм и благоразумие должны постоянно заставлять нас осмысливать ситуацию. Если ситуация меняется, реализм и благоразумие могут заставить вас реорганизовать ваше предприятие. Не следует упрямо идти вперед, как ни в чем не бывало, вопреки реализму и благоразумию. Реализм и благоразумие – путь преодоления дуализма. Вера пробуждает разум и позволяет нам пользоваться им как инструментом познания реальности со всеми присутствующими ему характеристиками, следовательно – с реализмом и благоразумием как верным критерием подхода к вещам (по словам св. Фомы). Если вы начинаете отходить от этого в деле, то идете против разума. Вы хотите отвечать на нужду или утверждать себя самих? Иисус мог бы решить проблемы, решением которых заняты все некоммерческие структуры третьего мира – достаточно было поддаться первому искушению в пустыне: «Сделай так, чтобы эти камни стали хлебами». Достаточно было Ему это сделать – проблема была бы решена. Почему Он поступил иначе? Потому что это не было замыслом Бога, это было бы Его самоутверждением вопреки замыслу Отца. Значит, не все, что кажется добрым, правильно, если оно расходится с замыслом Бога – ведь часто мы не знаем, утверждаем ли мы замысел Бога или ставим в центр себя. И как нам это узнать? Через послушание тому, какие возможности дает нам Тайна. Я всегда повторяю: если у нас хватает возможностей, чтобы сделать на пять, то не будем делать на четыре с плюсом, сделаем на пять. Если можем сделать только на три, сделаем на три. Прежде чем отвечать по нашей мере, мы должны научиться послушанию; ведь даже если я сделаю что-то не на три, а на тридцать, это все равно как капля в океане нужды! Вот наша предвзятость: мы полагаем, что стоит немного поднапрячься – и мы что-то решим. Но мы ничего не решим! Мы уладим только какой-то фрагмент проблемы, которая огромна! Поэтому, если в какой-то момент реализм и благоразумие подсказывают, что нужно сузить масштабы деятельности, то следует их сузить. Это послушание. Возможно, потом ситуация вновь изменится и вы вновь сможете делать то, что делали раньше, и тогда нужно меняться вновь – это тоже послушание. Если вы не поступаете таким образом (во имя нужды, во имя блага, во имя еще не знаю чего), вы следуете своим мыслям, вы утверждаете себя самих, потому что не принимаете знаков реальности. И вы

погружаетесь в хаос, но это не замысел Бога – это постановка себя самих в центр мира. Являет ли наша деятельность присутствие Бога – это зависит не от масштабов дела, а от той инаковости, которую оно в себе несет. Поэтому отец Джуссани постоянно использовал слово «пример». Ваши предприятия – не попытки ответить на всю нужду, они – пример. Иисус исцелил не всех больных Своего времени. Он мог бы и это сделать – на нехватку средств Он уж точно не мог пожаловаться. Но замысел Бога был иным. Если Бог не исцеляет всех, причиной является то, что у Него нет средств, или у Него иной замысел? Может быть, мы должны задавать себе этот вопрос, и такое сознание принесет нам покой. Это не значит, что мы перестанем делать то, что должны делать (словно поддавшись успокоительному действию подобных рассуждений); но мы должны помнить, что управлять нашими делами должен замысел Бога. Откуда мы узнаем, следуем ли мы замыслу Бога? Из послушания знакам. Приведу один простой пример. Когда в Ирландии проходил Евхаристический конгресс, нашим друзьям пришла идея сделать что-то значимое. И один из них предложил: «Давайте привезем выставку “Глазами апостолов” о жизни Иисуса в Капернауме, представленную на Митинге 2011 года». Сумасшествие! Это действительно казалось сумасшествием. «Попробуем. Посмотрим, удастся ли нам найти средства». Все думали, что это невозможно: такая маленькая община и такие огромные затраты. Я с самого начала сказал им: «Единственное условие – будем послушны знакам. Если мы найдем людей, которые поймут, какую важность может иметь подобная выставка для Церкви в Ирландии, мы ее привезем. Иначе – что ж, значит, Господь этого не хочет. Если Он хочет, Он сдвинет то, что нужно сдвинуть». И в самом деле, Он сдвинул – им удалось устроить эту выставку во всей красе! Мне рассказывали сегодня о том, какие потрясающие вещи продолжают там происходить. Способ таков. Если получается – будем действовать, с дерзновением, не будем беречь сил! Но если не получается – остановимся, чтобы не причинить вреда.